

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 155–160. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 155–160. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(44).09”19”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-155-160>

ПРЕДВОСХИЩАЯ Ж.-Ж. РУССО: ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ В РОМАНЕ «ПИСЬМА ПЕРУАНКИ» Ф. ДЕ ГРАФИНЬИ (1747)

Морозов Артем Дмитриевич, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, morozov-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5645-7646>

Аннотация. В статье анализируется бестселлер XVIII века, роман «Письма перуанки» («Lettres d’une péruvienne», 1747) Франсуазы де Графиньи, который во многом предвосхищает идеи Ж.-Ж. Руссо, в том числе о естественном состоянии. В процессе анализа показывается, что главная героиня – молодая пленная перуанка, попавшая во Францию, – воплощает концепт «благородного дикаря»; в отличие от цивилизованных европейцев, она наделена высокими моральными качествами, критически оценивает современные институты и нравы, стремится к природе, при этом полученные знания о мире не приносят ей счастья. Обращение Ф. де Графиньи к перуанской теме обусловлено общим интересом к Империи инков, которая считалась в эпоху Просвещения образцовой, организованной по законам природы, а также стремлением показать, как и в случае с Ж.-Ж. Руссо, достоинства дикарей и недостатки цивилизованных европейцев. Личные контакты между обоими писателями подтверждают их интеллектуальное влияние друг на друга. Делается вывод, что «Письма перуанки» явились результатом философских веяний в середине XVIII века: роман стоит у истоков концепта естественного состояния, ставшего в дальнейшем одним из основных положений руссоизма.

Ключевые слова: французская литература XVIII в., Ф. де Графиньи, Ж.-Ж. Руссо, естественное состояние, «благородный дикарь», цивилизация, перуанцы.

Для цитирования: Морозов А.Д. Предвосхищая Ж.-Ж. Руссо: естественное состояние в романе «Письма перуанки» Ф. де Графиньи (1747) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 155–160. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-155-160>

Research Article

ANTICIPATING JEAN-JACQUES ROUSSEAU: THE STATE OF NATURE IN THE NOVEL “LETTERS FROM A PERUVIAN WOMAN” BY MADAME DE GRAFFIGNY (1747)

Artem D. Morozov, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, morozov-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5645-7646>

Abstract. The article deals with the novel “Letters from a Peruvian Woman” (Lettres d’une Péruvienne, 1747) by Madame de Graffigny, which anticipates many ideas of Jean-Jacques Rousseau, including the notion of state of nature. The main character, a young Peruvian woman, who was taken away to France, embodies the concept of the “noble savage”. Unlike civilised Europeans she has high moral qualities, critically evaluates the institutions and customs of her time, and she aspires to the state of nature, though knowledge about this world did not make her happy. Madame de Graffigny uses the Peruvian theme according to the general interest in the age of Enlightenment in the Inca Empire, which was considered as idyllic society, organised under the laws of nature. She tries, like Jean-Jacques Rousseau, to display merits of savages and demerits of civilised Europeans. The intellectual influence of Madame de Graffigny and Jean-Jacques Rousseau on each other is confirmed by their personal contacts. As a result, we claim that the novel “Letters from a Peruvian Woman” was influenced by advanced philosophical ideas of the mid-18th century – this text stands at the origins of the concept of the “state of nature”, which eventually became one of the main terms of Rousseauism.

Keywords: 18th-century French literature, Madame de Graffigny, Jean-Jacques Rousseau, state of nature, noble savage, civilisation, Peruvians

For citation: Morozov A.D. Anticipating Jean-Jacques Rousseau: the state of nature in the novel “Letters from a Peruvian Woman” by Madame de Graffigny (1747). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 155–160 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-155-160>

Естественное состояние, о котором писал Жан-Жак Руссо, основано на представлении о «золотом веке» человечества в далёком прошлом. По мнению философа, в первобытные времена, когда отсутствовало социальное неравенство, люди отличались скромностью, состраданием и благожелательным отношением друг к другу. В «Рассуждении о науках и искусствах» (1750) он описывает естественное состояние в идиллическом ключе: «Размышляя о нравах, нельзя не вспомнить с наслаждением картины простоты обычаев первобытных времён. Это – прекрасное побережье, украшенное руками одной только природы, к которому беспрестанно обращаются наши взоры и от которого отдаляешься столь неохотно. Когда люди были невинны и добродетельны, они хотели, чтобы боги были свидетелями их поступков, и они жили с богами под одной и той же крышею» [Руссо 1998: 41]. В дальнейшем, с появлением частной собственности, развитием наук, искусств и цивилизации в целом, как считает философ, люди утратили свои природные достоинства, а потому должны «учиться» им у народов, стоящих на «начальном этапе» человеческой истории.

В девятой книге «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо повествует о культурной жизни Парижа середины 1750-х гг. В одном из эпизодов он описывает критику, которая обрушилась на Д. Дидро в связи с его драмой «Побочный сын, или Испытания добродетели»: по сюжету она напоминает комедию «Истинный друг» К. Гольдони, а потому после премьеры, состоявшейся в 1757 г., драматурга обвинили в плагиате. Там же он отмечает: «У г-жи де Графиньи даже хватило злости распустить слух, будто я порвал с ним из-за этого. Мне казалось, что справедливость и великодушие требуют, чтобы я публично доказал противное» [Руссо 1961, 1: 401]. Речь идёт о Франсуазе де Графиньи (Françoise de Graffigny, 1695–1758), французской писательнице, драматурге, хозяйке литературного салона в Париже. Среди её произведений – повесть «Испанская новелла, или Плохой пример, породивший столько добродетелей, сколько и пороков» («Nouvelle espagnole ou Le mauvais exemple produit autant de vertus que de vices», 1745), сказка «Принцесса Азероль, или Высшая мера постоянства» («La Princesse Azerolle ou l'Excès de la constance», 1745), несколько комедий, в том числе «Зиман и Зениза» («Ziman et Zénize», 1747), «Фаза» («Phaza», 1747), «Сения» («Cénie», 1750), «Сатурналии» («Les Saturnales», 1752), «Дочь Аристида» («La fille d'Aristide», 1758). Особой популярностью пользовался роман «Письма перуанки» («Lettres d'une péruvienne», 1747), сочетающий любовную интригу с критикой современного общества.

«Письма перуанки» начинаются с описания империи инков в XVI веке. На храм Солнца в Куско, где воспитывается молодая и прекрасная перуанка Зилия,

нападают испанские конкистадоры и похищают её накануне замужества с принцем Азой. Девушка оказывается в плену и при помощи кипу, вязи узелковых шнуров, являющейся местной формой письма, повествует возлюбленному о своих злоключениях. Пережив нападение французского фрегата в океане, Зилия становится пленницей капитана Детервиля, который влюбляется в неё с первого взгляда и пытается вызвать ответное чувство. Затем, попав во Францию, девушка поражается «чудесам» цивилизации (книгам, каретам, зеркалам, фонтанам, фейерверкам), но также критически сравнивает порядки и нравы новой страны с перуанскими в пользу последних. Насильственно отторгнутая от родины перуанка, не зная французских обычаев и языка, обречена на полное одиночество. Выход из душевной изоляции она находит в процессе плетения кипу, а затем в сочинении писем по-французски, которые становятся для неё терапевтической практикой и средством самовыражения.

В конце концов Зилия в совершенстве овладевает французским языком, приобретает верных друзей и становится финансово независимой благодаря перуанскому золоту, отвоёванному Детервилем. Из пассивной жертвы она превращается в полноценного участника событий, но её обучение и познание окружающего мира не приносят ей счастья. «По мере того, как я постигала его, новый мир открывался перед моими глазами. Предметы принимали другую форму, а каждое разъяснение оповещало меня о новом несчастье. Разум, сердце, зрение – все способствовало моему заблуждению» [Графиньи: 92], – признаётся она в письме, узнав, что государство инков – не единственное в мире, и теперь она находится в далёкой от Перу стране. Не меньше разочарования приносят Зилие и законы христианского мира, запрещающие ей любить Азу, так как они кровные родственники: «С горечью в душе я попросила объяснений – моего плача даже не слушали. Меня не могут принять в столь чистое общество, если я не откажусь от намерения, которое мною движет, не отрекись от своей любви, то есть, не поменяю своего существа» [Графиньи: 177].

По мере знакомства героини с миром внешним, начинает расширяться и её внутренний мир: оказавшись в цивилизованной стране, она испытывает душевные переживания, ранее ей неведомые. Не понимая причин грусти любящего её Детервиля, она с наивной жестокостью вынуждает его узнать местопребывание своего жениха и способствовать их встрече. Однако приехавший в Париж Аза совсем другой: он признаётся, что его, как и Зилию, похитили; оказавшись при испанском дворе, он перешёл в католическую веру, чтобы жениться на другой девушке. Пережив душевную катастрофу, героиня понимает, какие муки испытывал безответно любящий её Детервиль, и это приносит ей новые страдания. Зилия

осознаёт, что излечить муки своего благодетеля она не сможет, так как Аза, несмотря на предательство, продолжает составлять смысл всей её жизни: «Сердце моё принадлежит ему и будет принадлежать до самой смерти», – пишет она Детервилю в одном из последних посланий. – «Моя жизнь принадлежит ему: пусть он отнимет её или любит меня!» [Графиньи: 178].

В дальнейшем Зилия уединяется в своем загородном доме под Парижем, откуда призывает Детервилю отречься от любовных страстей и приехать к ней, чтобы вместе познать радости вечной и взаимной дружбы. Живя просто и добродетельно на лоне природы, поддерживаемая дружбой ставших ей близкими людей, героиня выбирает одиночество и «удовольствие быть» (*le plaisir d'être*), обнаруживая сходство с руссоистскими представлениями о счастье. В письме от 4 ноября 1764 г. Ж.-Ж. Руссо отмечал, что «на земле можно быть счастливым лишь в той степени, в какой ты удаляешься от внешнего мира и приближаешься к себе». Спасительную функцию мечта приобретает тогда, когда она помогает избавиться от прошлого и будущего, доставляющих страдания, а переживание мгновения здесь и сейчас – и есть истинное счастье» [Лукьянец: 80]. К этому же выводу пришла и перуанка, которая до душевной катастрофы предавалась горестным мыслям о прошлом и, как сама она пишет, «жила лишь в будущем – настоящее более не представлялось [...] достойным того, чтобы брать его в расчёт» [Графиньи: 92].

Эти и другие поступки и мысли героини во многом обусловлены её положением «благородного» (*noble*), или «добраго дикаря» (*bon sauvage*), пытающегося жить в гармонии с собой и окружающим миром. Под «благородным» дикарём понимается концепт, получивший развитие в трактатах Ж.-Ж. Руссо, в частности – в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) [Францев: 60]. Сравнивая диких туземцев с цивилизованными гражданами, философ приходит к выводу, что первые, несмотря на их «дикость», с точки зрения морали значительно превосходят последних. Дикарь, чьи главные ценности в жизни – покой и свобода, «живёт в себе самом», современный же человек – «вне самого себя» [Руссо 1998: 138], полностью завися от мнения окружающих. Честность, искренность и другие прекрасные качества дикаря врождённые и объяснимы его близостью к природе. С развитием цивилизации человек утратил свои естественные достоинства, а потому «мы обладаем теперь, несмотря на такое обилие философии, гуманности, вежливости и высоких принципов, одною только внешностью, обманчивою и пустою: честью без добродетели, разумом без мудрости и наслаждениями без счастья» [Руссо 1998: 139].

Помимо верности, искренности, доброты перуанка в романе Ф. де Графиньи от природы наделена на-

блюдательным философским умом. В одном из первых посланий, когда ей кажется, что она умирает, героиня описывает своё состояние в материалистическом ключе: «Трудолюбивая природа уже готовилась придать другую форму порции материи, принадлежащей ей в виде моего тела» [Графиньи: 43]. В другом письме, предвосхищая теорию Ж.-Ж. Руссо о происхождении языков, а именно тезис, что речь есть «первое общественное установление» [Руссо 1961: 221], перуанка также считает, что речь, «без сомнения, является изобретением людей, поскольку у разных народов она разная» [Графиньи: 87].

Несмотря на осведомлённость героини о разных сферах жизни, для первых читателей она оставалась дикаркой, интерес к которой связан с теорией естественного права. Вытекающие из представлений о вечной и неизменной природе человека (исходного пункта этой теории) его права воспринимались как естественные, существующие все зависимости от законов, установленных цивилизацией, а потому и как самые справедливые. Как пишет М.В. Разумовская, живой интерес и нескрываема симпатия к перуанцам связаны с тем, что в глазах писательницы и её современников они занимали промежуточное положение между относительно цивилизованным человеком Востока, уже понятным европейцам, и совсем диким американцем [Разумовская: 103]. Перуанцы воспринимались как потомки древних инков, система правления которых в XVIII веке считалась идеальной вследствие разумной организации по законам природы.

Показательно, что, начиная с переиздания 1752 г., письмам перуанки предшествует «Историческое вступление», в котором излагаются основные сведения об общественной жизни инков, их религиозных представлениях, обычаях и нравах. Источником послужили «Подлинные комментарии об истории государства Инков» И.Г. де ла Веги (1609), переведённые на французский язык в XVII веке. В частности, из сочинения позаимствованы описания молодёжи, которая «воспитывалась со всей заботой, требуемой благословенной простотой их нравов», а также идеи разумной организации государственной жизни, при которой «покорность не страшила умы, так как с раннего детства люди убеждались в её необходимости и в том, что к ней не примешивались ни тирания, ни честолюбие» [Графиньи: 27]. Там же говорится о наивности перуанцев, которые приняли захватчиков за детей божества, а потому преподносили им несметные дары в знак почтения и стали жертвами алчного народа.

Впрочем, предпосылая «Письмам перуанки» историческое введение, автор не ставил своей целью строго следовать фактам перуанской хроники, позаимствовав из нее лишь то, что характеризует перуанцев с положительной стороны, и поэтому не посчитал уместным

упоминать, например, о человеческих жертвоприношениях или кровопролитных войнах между племенами. В первую очередь Ф. де Графиньи стремилась изобразить реально существовавшее утопическое государство инков, противопоставив их гуманность, простоту и близость к природе европейской цивилизации, что нашло непосредственное отражение во «французской» части романа. Помимо Ф. де Графиньи значительный вклад в популяризацию знаний о перуанцах в XVIII веке внесли естествоиспытатели; один из них – Ш. М. де ла Кондамин – в 1735–1745 гг. руководил экспедицией в Перу для измерения длины меридиана на экваторе, а в 1745 г. вышли его «Мемуары о некоторых древних памятниках Перу времён инков». Помимо романа о Зилии перуанская тема звучит в утопической поэме в прозе «Крушение плавучих островов, или Базилиада знаменитого Пильпаи» Э.-Г. Морелли (1753), в дидактическом романе «Инки, или Крушение империи Перу» Ф.Ж. Мармонтеля (1777).

Местом действия в первых трех письмах в романе Ф. де Графиньи служит Перу, а именно храм Солнца в Куско (предположительно Кориканча) и его окрестности. Судя по тому, что на храм нападают испанцы, описанные события происходят в 30-е гг. XVI в., когда началась колонизация империи инков отрядом Ф. Писарро. В дальнейшем Ф. де Графиньи переносит читателя в современную ей Францию. Это можно понять, например, по цитируемой Зилией книге 1751 г. «Размышления о нравах нашего времени» Ш.П. Дюкло: «В одной из лучших книг я прочла, что “светское остроумие заключается в том, чтобы приятно говорить о пустяках, не позволять себе ни в коем случае рассудительных речей, разве что, когда грациозность выражения извиняет их, и, наконец, прикрывать свой ум, если уж вынуждены его проявить”» [Графиньи: 138].

Допущенный в романе анахронизм, судя по отзывам первых читателей, не имел для них принципиального значения. Впрочем, ещё на начальной стадии написания романа литератор и друг Ф. де Графиньи Ф.А. Дево советовал ей «осовременить» перуанку, представив героиню жительницей индейской деревни, похожей на страну Эльдорадо из повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм». «Огромная равнина, окружённая неприступными горами. Земля была возделана так, чтобы радовать глаз и вместе с тем приносить плоды; все полезное сочеталось с приятным; дороги были заполнены, вернее, украшены изящными экипажами из какого-то блестящего материала; в них сидели мужчины и женщины редкостной красоты [...] Деревенские детишки в лохмотьях из золотой парчи играли у околицы в шары [...] это были самородки золота, изумруды, рубины, из которых меньший был бы драгоценнейшим украшением трона Могола» [Вольтер: 191–192], – так описана утопическая страна в произведении Вольтера. От предложения Ф.А. Дево, как от-

мечает И. Шоуолтер, писательница отказалась, поскольку считала, что «общее впечатление от величия империи инков куда важнее исторической точности, и что роман нуждается лишь в той степени правдоподобия, что и опера» [Showalter 2004: 188].

Ж. Ноэль, автор одной из первых монографий, посвящённых творчеству Ф. де Графиньи, задавался вопросом: «...отчего это странное название и экзотический антураж» [Noël: 46] романа? По его мнению, они навеяны «Персидскими письмами» Ш.Л. де Монтескье, которые породили целый ряд эпистолярных романов с экзотическим флёром. О хорошем знании Ф. де Графиньи «Персидских писем» говорит уже тот факт, что в «Предупреждении» читателю она прямо цитирует слова главного героя Рика: «Как можно быть персом?» [Графиньи: 21]. Этим же вопросом в «Персидских письмах» герой передаёт удивление парижан, когда те узнавали, что он родом из Персии. В предисловии к «Письмам перуанки» эта цитата подкрепляет критику предвзятого отношения к другим народам и европоцентризма в целом: «Предрасположенные в собственную пользу, мы признаем достоинства других племён постольку, поскольку они подражают нашим нравам, а их язык походит на нашу речь» [Графиньи: 21].

Помимо любовной истории, роман Ф. де Графиньи содержит критику современных французских, в целом – европейских институтов и нравов. «Ни в одной из разнообразных провинций, которые мы пересекли, я еще не видела таких высокомерных и развязных дикарей» [Графиньи: 80], – вынуждена констатировать перуанка, едва оказавшись в светском обществе. Для французов Зилия предстаёт как экзотическая игрушка, лишённая человеческих чувств, а потому она вынуждена терпеть их насмешки и косые взгляды. В своих посланиях перуанка рассуждает о трагическом положении людей в цивилизованном обществе. Она считает, что тщеславное желание неразумных французов казаться лучше, чем они есть на самом деле, заставляет их жертвовать покоем и честью; склонность к излишествам, несмотря на отсутствие самого необходимого, развратила их разум, сердце и характер, которые они скрывают под такими же порочными масками.

Причина, по которой французы лишены положительных качеств, как считает Зилия, – в их неправильном воспитании. Неестественность и неразумность французского общества героиня противопоставляет правильным, естественным нравам своих соотечественников. Зилия не только осуждает цивилизованных французов, но и оплакивает их несчастья, пытается оправдать и полюбить их, потому что считает, что они не созданы природой злыми: «Но не думай, мой дорогой Аза, что французы, в целом, рождены злыми. [...] От природы они чувствительны и наделены добродетелью» [Графиньи: 152]. В подтвержде-

дение этого Зилия заявляет, что когда она рассказывала французам о своих соотечественниках, то все её слушали с умилением, если бы они жили среди перуанцев, то стали бы намного лучше. В изображении «благородного дикаря», противопоставленного испорченному цивилизацией европейцам, роман Ф. де Графиньи поднимает вопрос общественного устройства, доказывая, что современные еврейские порядки далеки от совершенства, а жизнь по естественным законам – вот идеал, к которому должны стремиться все просвещённые народы.

«Счастлив народ, принявший за руководство Природу, за принцип – истину, а за побуждение к действию – добродетель!» [Графиньи: 153], – восклицает перуанка, считая возможным это лишь в разумном и справедливом государстве. Именно таким идеальным государством в романе представлена Империя инков. По словам героини, в её стране никогда не было бедных – правящий Капа-Инка заботился обо всех, тогда как европейские монархи благоволят лишь придворным. В отличие от справедливого распределения земли и совместной её обработки, почитаемой перуанцами за счастье, во Франции невозможно приобрести без золота то, что по законам природы принадлежит всем людям поровну. Налоги в европейской стране распределены неравномерно, и большая часть населения, чтобы выжить, вынуждена прибегать к милосердию других. Искренность, сострадательность и другие прекрасные качества перуанцы унаследовали от своей религии, в отличие от французов, вера которых проявляется не в поступках, а в заученных наизусть принципах религии и исполнении обрядов.

Примерно в одинаковом с перуанкой положении оказались герои Ш.Л. де Монтескье, которые путешествуют по Франции и критически оценивают чужие «варварские», как они считают, порядки и нравы со своими «цивилизованными». И всё же сравнивая эти два романа, можно заметить, что доли любовного и социально-критического элемента в них (и в количественном, и в качественном отношении) неравнозначны. «Персидские письма» являются по сути политико-философским сочинением, а любовная линия в нём, связанная с наложницами Узбека, иллюстрирует тираническое государство в миниатюре. В «Письмах перуанки» же любовный сюжет самоценен, а те немногие письма, которые содержат критику французского общества, создают образ не только чувственной, но и мудрой героини. Показательно, что художник Ж.-Б. Готье-Даготи в посвящённом Ф. де Графиньи биографическом очерке 1770 г. среди достоинств «Писем перуанки» в первую очередь отмечал любовно-чувственную и только потом рационально-критическую сторону их содержания: «Этот роман, произведение сердца и ума, имел успех, которого он полностью заслуживает. Любовь изображе-

на в нём в самых ярких красках, а нравы, характер и смешные черты нашего народа списаны с натуры»; «...за исключением “Персидских писем”, никогда не было столь изящного и правдивого критического сочинения» [Gautier-Dagoty: 154].

Решение Зилии жить за городом, фактически на лоне природы, обусловлено как неприятием ей цивилизации, так и стремлением вернуться к естественному состоянию. Показательно восхищение героини лесом, описание которого – в лучших традициях сентиментализма: «Как прекрасен лес, мой дорогой Аза! Когда в негоходишь, всеобъемлющее очарование распространяется на все чувства и смешивает их свойства. Кажется, что видишь свежесть прежде, чем её чувствуешь» [Графиньи: 74]. В другом месте, описывая виды из кареты во Франции, перуанка явно противопоставляет природу цивилизации: «Без сомнения, мой сердечный друг, Природа вложила в свои творения непостижимую прелесть, с которой не сравнится даже самое тонкое искусство. Все увиденные чудеса, изобретённые человеком, не вызвали во мне того восхищения, которое я испытываю, любуясь окружающим» [Графиньи: 73].

Сходство идей в «Письмах перуанки» Ф. де Графиньи и трудах Ж.-Ж. Руссо отмечали ещё их современники. В 1752 г. швейцарец И. Изелин, встретившийся тогда же и с Ф. де Графиньи, и с Ж.-Ж. Руссо в Париже лично, отметил в своём дневнике, что «хоть она [де Графиньи] и говорит так много против доброго Руссо, она не перестаёт выражать аналогичные чувства в своих “Письмах перуанки”» [Showalter: 21]. В заметках от 1751 г. одного из поклонников Ф. де Графиньи Г. Тюрго также содержится косвенное сравнение её произведения с тем, о чём рассуждал Ж.-Ж. Руссо в связи с естественным состоянием. Критикуя финал романа, Г. Тюрго косвенно предлагает переписать его в духе «Рассуждения о науках и искусствах», впрочем, не называя сочинения и его автора конкретно: «Пусть Зилия взвесит все преимущества дикого и цивилизованного человека. Предпочтень дикие – просто смешно. Пусть же она их опровергнет» [Showalter 1978: 21].

Читал ли сам Ж.-Ж. Руссо «Письма перуанки» – достоверно неизвестно, но определённо знал Ф. де Графиньи и высоко оценил другое её произведение, а именно комедию «Сения». В «Письме к д'Аламберу о зрелищах» (1758), рассуждая о роли женщин в современном театре и излишней идеализации в нём героинь, он оставил следующий комментарий в сноске: «Не по недомыслию упоминаю я здесь “Сению”, хотя очаровательная пьеса эта написана женщиной. Всей душой стремясь к истине, я не могу умалчивать о том, что противоречит моему взгляду, и не той или иной женщине, а женщине вообще отказываю я в талантах мужчины. В частности, талантом автора “Сении”

воздаю я должное тем охотней, что она недоброжелательно говорит обо мне, так что дань уважения, которую я ей приношу, чиста и бескорыстна, как все похвалы, вышедшие из-под моего пера» [Руссо 1961: 103].

Сама же Ф. де Графиньи, судя по её письмам, относилась к философу двойственно: признавая его литературный талант (показательно, что сам Ж.-Ж. Руссо помогал ей в сочинении комедии «Сатурналии»), она тем не менее воспринимала руссоистские идеи настроенно и даже с некоторой долей скепсиса. В ответном письме от 31 января 1751 г. к Ф.А. Дево, который возмущался «Рассуждением о науках и искусствах», Ф. де Графиньи говорит и о своём отношении к этому сочинению Ж.-Ж. Руссо, и упоминает их общего знакомого Ф. Тьерри: «По причине того, что я менее фанатична, чем ты, мне не хочется ни придушить, ни высечь г-на Руссо, но в какой-то степени я с тобой согласна. Мне вполне по нраву, что сказал ему Тьерри. Он мой лотарингский доктор. Руссо его друг. Тот подарил ему своё сочинение, а Тьерри ему сказал: “Друг мой, твою речь я положу вглубь сундука и не буду доставать её 20 лет. В течение этого времени я ещё хочу любить искусства”» [Showalter 1978: 37].

Личные контакты между Ж.-Ж. Руссо и Ф. де Графиньи дают возможность предполагать, что они в той или иной степени интеллектуально влияли друг на друга. Знание философом «Сении» говорит о его знакомстве или по меньшей мере о его интересе к творчеству писательницы, уже прославившейся своими «Письмами перуанки». Интересно, что в 1761 г. Ж.-Ж. Руссо опубликовал свой эпистолярный роман «Юлия, или Новая Элоиза», в котором так же, как и в «Письмах перуанки», любовная интрига переплетается с критикой цивилизации и прославлением природы, а главные герои воплощают концепт естественного состояния. Впрочем, явные переклички взглядов Ж.-Ж. Руссо и Ф. де Графиньи связаны и с тем, что они – современники, находившиеся под влиянием общего комплекса просветительских идей, ставшего в итоге одним из основных положений «руссоизма».

Список литературы

- Вольтер. Кандид, или Оптимизм // Философские повести и рассказы. М.; Л.: Academia, 1932. Т. 1. С. 134–266.
- Графиньи Ф. де. Письма перуанки / пер. и предисл. О. Сергиево-Посадской. Вашингтон, 2004. 246 с.
- Лукьянец И.В. «Мечтатель» в творчестве Руссо и Дидро // Другой XVIII век. М.: Экониформ, 2002. С. 75–83.
- Разумовская М.В. Перуанка в романе мадам де Графиньи // Латинская Америка. 1976. № 6. С. 99–108.
- Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1961. 2265 с.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1998. 416 с.

Францев Ф.С. Культурный миф о «естественном человеке» Ж.-Ж. Руссо: исторический и современный аспекты // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2014. № 6 (47). С. 59–70.

Gautier-Dagoty J.-B. Madame de Graffigny. Galerie française ou Portraits des hommes et des femmes célèbres qui ont paru en France. Paris, 1770, pp. 153–156.

Noël G. Une «Primitive» oubliée de l'école des «cœurs sensibles»: Madame de Graffigny, Paris, Plon, 1913, 399 p.

Showalter E. Française de Graffigny: Sa vie et ses œuvres. Oxford, The Voltaire Foundation, 2004, 571 p.

Showalter E. Madame de Graffigny and Rousseau: Between the two discours. Oxford, Voltaire Foundation at the Taylor Institution, 1978, 191 p.

References

Vol'ter. *Kandid, ili Optimizm* [Candide: Optimism]. *Filosofskie povesti i rasskazy* [Philosophical tales and short stories]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1932, vol. 1, pp. 134–266 (In Russ).

Grafin'i F. de. *Pis'ma peruanki* [Letters from a Peruvian woman], translated with an introduction by O. Serгиеvo-Posadskaya. Washington, 2004, 246 p. (In Russ).

Luk'ianets I.V. «*Mechtatel'*» v tvorchestve Russo i Didro [“A dreamer” in works by Rousseau and Diderot]. *Drugoi XVIII vek* [Another 18th century]. Moscow, Ekoninform Publ., 2002, pp. 75–83 (In Russ).

Razumovskaia M.V. *Peruanka v romane madam de Graffin'i* [A Peruvian woman in Mme de Graffigny's novel]. *Latinskaia Amerika* [Latin America], 1976, № 6, pp. 99–108 (In Russ).

Russo Zh.-Zh. *Izbrannye sochineniia* [Selected works]: in 3 volumes. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961, 2265 p. (In Russ).

Russo Zh.-Zh. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [On the social contract. Treatises]. Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 1998, 416 p. (In Russ).

Frantsev F.S. *Kul'turnymif o «estestvennom che-loveke» Zh.-Zh Russo: istoricheskii i sovremennyi aspekt* [On historical and modern aspects of the cultural myth of J.-J. Rousseau's “natural man”]. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura* [Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture], 2014, № 6 (47), pp. 59–70 (In Russ).

Статья поступила в редакцию 11.04.2021; одобрена после рецензирования 27.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 11.04.2021; approved after reviewing 27.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.